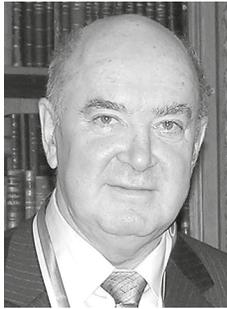

В. М. Мокиенко

БИБЛЕЙСКОЕ КРЫЛАТОЕ СЛОВО В СЛАВИИ*VALERY M. MOKIENKO
BIBLICAL WINGED WORD IN SLAVIA**Валерий Михайлович
Мокиенко**<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

► mokienko40@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 7–9**Valery M. Mokienko***Doctor in Philology, Professor**St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation*

Межкультурные связи славянского мира во многом стимулировались переводами Библии на национальные литературные языки. Именно переводы Священного Писания на народные языки стали основой книжных языков Европы. При том что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики до сих пор можно относить к малоработанным. Таковы, в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Библии, о характере их дальнейшего развития в каждом из данных языков и др. В какой-то степени язык Библии — язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются в области лексико-семантических явлений. Именно они во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов и их фразеологизацию. Наследие Библии заслуживает специализированного анализа при сопоставлении даже близкородственных языков. Особое внимание при этом уделяется крылатым словам и выражениям библейского происхождения, поскольку они запечатали и сохранили образную и идеологическую «боговдохновенность» Священного Писания. Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой под влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь свои специфические особенности. Так, в отличие от других европейских языков, русский воспринял через церковнославянские переводы немало заимствований из греческого, которые приобрели в литературном и речевом употреблении маркированную стилистику и семантику и потому получили статус библеизмов. В церковнославянский текст Библии, а затем в его синодальный перевод на русский язык перешло немало слов-реалий, маркированных той эпохой, которая отражена в Священном Писании. Таковы, например, наименования мер

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

The research is being carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) within the framework of the project “Biblical Heritage of East Slavic Languages in Linguocultural and Lexicographical Interpretation (Large Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblical Words)”.

веса, денежных единиц, животных, растений и т. п. В статье предлагается сопоставительный анализ наиболее употребительных славянских библеизмов, отразивших как межкультурную общность языковых единиц, так и их достаточно заметное различие.

Ключевые слова: языковое наследие Библии, библеизм, крылатые слова, крылатые выражения, восточнославянская фразеология и паремиология.

The author argues that intercultural relations of the Slavic world were largely stimulated by translations of the Bible into national literary languages. It was the translations of the Holy Scripture into vernacular languages that became the basis of the book languages of Europe. Despite the fact that commenting on the text of the Bible is one of the most ancient and traditional activities of philologists, many aspects of this complex problematic can still be considered underdeveloped. These include, in particular, questions about the specifics of the assimilation by languages of those elements that go back to the text of the Bible, the nature of their further development in each of these languages, etc. To some extent, the language of the Bible is a language “in itself”, a kind of spiritual code uniting the peoples of Christian cultures. All the more significant from the point of view of comparative study of literary languages are those differences that are observed precisely in the area of lexical and semantic phenomena. They largely determine the specifics of the national adaptation of biblical expressions and their phraseology. The legacy of the Bible deserves specialized analysis when comparing even closely related languages. Particular attention is paid to winged words and expressions of biblical origin, since they captured and preserved the figurative and ideological “divine inspiration” of the Holy Scripture. The Russian language, in which the Orthodox faith with its orientation toward Church Slavonic sacred texts harmoniously converged with pan-European culture and the influence of Polish, French, German and other languages, reveals its own specific features here. Thus, unlike other European languages, it adopted many borrowings from Greek through Church Slavonic translations, which acquired a marked style and semantics in literary and speech use and therefore acquired the status of biblicalisms. Many words-realia, marked by the era reflected in the Holy Scripture, passed into the Church Slavonic text of the Bible, and then into its synodal translation into Russian. These include, for example, the names of measures of weight, monetary units, animals, plants, etc. The report offers a comparative analysis of the most commonly used Slavic biblical expressions, reflecting both the intercultural commonality of such linguistic units and their rather noticeable differences.

Keywords: linguistic heritage of the Bible, biblicalism, winged words, winged expressions, East Slavic phraseology and paremiology.

Введение

Язык Библии оказал огромное влияние на формирование литературных языков многих народов,

издревле приобщенных к христианской культуре. Переводы Священного Писания на народные языки стали основой книжных языков Европы. При том что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики приходится относить к мало разработанным. Таковы, в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Библии, о характере их дальнейшего развития в каждом из данных языков и др. В какой-то степени язык Библии — язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются именно в области лексико-семантических явлений. Они во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов и их фразеологизацию.

Межкультурные связи славянского мира во многом стимулировались переводами Библии на национальные литературные языки. Несмотря на универсальность текста Священного Писания и его структурно-семантическое единство в каждом из языков, на которые оно переведено, наблюдаются не только сходства, но и существенные различия, обусловленные как теологическими, так и лингвокультурологическими факторами. Именно поэтому наследие Библии заслуживает специализированного анализа при сопоставлении даже близкородственных языков. Особое внимание при этом уделяется крылатым словам и выражениям библейского происхождения, поскольку именно они запечатлели и сохранили образную и идеологическую «боговдохновенность» Священного Писания.

Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой под влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь специфичные особенности. Так, в отличие от других европейских языков, русский воспринял через церковнославянские переводы немало заимствований из греческого, которые приобрели в литературном и речевом употреблении

маркированную стилистику и семантику и потому получили статус библеизмов. В церковнославянский текст Библии, а затем и в его синодальный перевод на русский язык перешло немало слов-реалий, маркированных той эпохой, которая отражена в Священном Писании. Таковы, например, наименования мер веса, денежных единиц, животных, растений и т. п.

Сопоставление русского массива библейских крылатых слов и выражений с библеизмами других языков свидетельствует об их известном параллелизме. Но более существенно то, что русский и даже такие близкородственные восточнославянские литературные языки, как белорусский, украинский и русинский, заметно отличаются от других европейских языков вследствие разных переводческих традиций. Так, немецкие, французские, испанские и другие тексты Библии восходят к латинскому посреднику *Septuaginta Vulgata*, в то время как русские и другие восточнославянские — находятся в рамках византийской традиции.

Разумеется, различиями переводческих традиций далеко не исчерпываются внешнеязыковые и внеязыковые факторы, влияющие на характер библеизмов в разных языках. Неодинакова вся социально-культурная среда их бытования в «греко-славянском» ареале (*Slavia Otrhodoxa*) и в «славяно-латинском» (*Slavia Latina*) [Толстой 1988]. Имеют значение также особенности профессиональной ориентации носителей языка; различия во взаимодействии христианских представлений с дохристианскими, языческими у разных народов; специфика языковой ситуации в разные исторические периоды (например, наличие, характер и степень распространенности билингвизма) и др. В сочетании с этими факторами проявляются собственно языковые, внутренние тенденции и закономерности лексико-семантического развития, что и приводит к тем или иным расхождениям в форме, семантике и употреблении библеизмов в разных языках, даже самых генетически близких. Нередко импульс к таким расхождениям задается семантическим синкретизмом самого первоисточника — текста Книги книг, а также наличием различных переводов Библии у русских, белорусов, украинцев и русинов.

Ориентация древнейших переводов библейских текстов на разные языки и неодинаковое воплощение общих семантических потенций в развитии библеизмов создают дифференциацию крылатых слов и выражений, имеющих общий источник. Вместе с тем общеевропейское языковое пространство и общность христианской культуры становятся основой стирания этой дифференциации. Количество библеизмов и их вариантов в русском и других восточнославянских языках возрастает не только благодаря повышению интереса к православной книжности, но и в силу постоянного приобщения к европейской литературе и искусству посредством переводов. При этом, несмотря на общность исторических и культурных судеб восточнославянских народов, в фондах их библейского наследия обнаруживаются существенные различия.

Общность первоисточника, следовательно, отнюдь не делает библеизмы в различных языках тождественными. Вот почему лексикографическая интерпретация лексики и фразеологии Библии, отраженной современными литературными языками, — одна из актуальных научных и дидактических проблем. Опыт составления «Толкового словаря русских библейских выражений и слов» [Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010], «Немецко-русского словаря библеизмов» [Walter, Mokienko 2009] и *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren* [Walter, Komorowska, Krzanowska 2010] показывает, что часть общего корпуса библеизмов в европейских языках образована не путем прямого воспроизводства соответствующего афоризма или фразы, а самостоятельной комбинацией слов, образов или сюжетов из Библии. В ряду таких оборотов встречаются различные структурные и семантические образования.

Обсуждение

Изложенные общетеоретические положения стали основой составления нескольких словарей библеизмов русского языка. Практическую направленность имеет «Словарь библейских крылатых выражений», изданный в Санкт-Петербургском

университете по инициативе Л. А. Вербицкой в серии «Давайте говорить правильно!» [Мокиенко 2007]. Как и в других вышедших справочниках этой серии, целью здесь стала компактное размещение информации о трудных для понимания и употребления языковых единиц случаях. Именно такие, наиболее частотные по употреблению, библеизмы, отобранные путем опроса информантов в разных странах, стали объектом сопоставительного лексикографирования в двух многоязычных словарях библеизмов [Лепта библейской мудрости... 2014; Лепта библейской мудрости... 2018]. Опыт данных словарей-справочников показал, что сопоставление разных языков, народы которых привержены христианской традиции, выявляет немало общего в восприятии библеизмов, но в то же время обнаруживает существенные лингвокультурологические, семантические и стилистические различия, требующие углубленного детализированного исследования и тщательного специализированного лексикографического описания.

В предлагаемой читателю статье делается попытка сопоставительного анализа нескольких употребительных славянских библеизмов, отразивших как межкультурную общность языковых единиц, так и их достаточно заметное различие.

К первым, почти тождественным, относятся библейские крылатые слова и выражения, которые и в своей семантике, и в своей структуре сохранили тождественность, близкую к исходному сакральному тексту. Таков, например, оборот *альфа и омега* ‘самая суть, основа чего-либо; нечто самое значительное’, восходящий к Новому Завету: «Я есмь *альфа и омега*, начало и конец...» (Откр. 1, 8); «Я есмь *альфа и омега*, первый и последний» (Откр. 1, 10). Он построен на столкновении противопоставленных компонентов (*альфа* и *омега* — первая и последняя буквы греческого алфавита (греч. Α, α и Ω, ω)) и в разных славянских языках воспроизводится именно в данной форме и с указанным смыслом: бел. *альфа і амега*; укр. *альфа і омега*; польск. *alfa i omega*; словацк. *alfa a omega*; чеш. *alfa a omega*; болг. *Алфа и Омега*; мак. *Алфа и Омега*; серб. *алфа и омега*; словен. *alfa in omega*; хорв. *alfa i omega*.

Во всех перечисленных языках выражение имеет книжную, высокую стилистику, а в некоторых

может заменяться синонимами нейтрального стиля: рус. *от а до я*; укр. *від а до я*; словацк. *od a (á) [až] po z (zet)*; чеш. *od á [až] do zet*; хорв. *od a do ž* и пр. Семантическая и стилистическая тождественность убедительно подтверждается контекстами трех родственных восточнославянских языков:

— *От «альфы» до «омеги»* — сказал он. Отца убили у вас на Пустыре... Последним его видел твой дед (Анчаров М. Как Птица Гаруда, 1989); ...с неизменным вниманием выслушивал историю освобождения Луки Лукича из узилыща. Историю достоверную *от альфы до омеги* (Давыдов Ю. Синие тюльпаны, 1988–1989); Сам весь *от альфы до омеги* порождение богемы, ее типичнейший и характерный представитель и выразитель, радость, смысл и суть жизни находивший в душной, пропыленной и фальшивой атмосфере около художественной жизни литературных кафе, А. Б. Мариенгоф и Есенина в своем «Романе» пытался представить таким же (Козловский А. А. Быль и легенды жизни Есенина, 1986).

Уся сіла каўпакоўцаў, можна сказаць, *альфа і амега* іх стратэгіі і тактыкі, заключалася ў няспынным руху — усё наперад і наперад! (Краўчанка У. Апаляданне пра смелае сэрца); На кожным уроку павінен адчувацца саюз методыкі і псіхалогіі. Гэта сёння *альфа і амега* дзейнасці настаўніка (Настўн. газ.).

[Неофіт]: Що за слово? [Єпископ]: Те слово — Бог. Він *альфа і омега*, початок і кінець (Леся Українка. В катакомбах); З приведеної вище виписки з «Червоної Руси» видно, що, власне, між т. зв. в Галичині «москвофілами» і народовцями в принципах нема великої різниці: ті і другі б'ють поклони перед національними святощами, і для тих і для других національність — *альфа і омега* всіх змагань (Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу); Людина — що б там не викоювалось, — вона, зрештою, універсум... *Альфа і омега* всього. (Гончар О. Циклон).

Таку тождественность не разрушают даже возможные креативные индивидуально-авторские преобразования выражений — например, шуточное их обыгрывание:

Альфа и омега кухни — кухарка Пелагея — возилась около печки (Чехов А. Кухарка женится); Граждане! Уважайте пружинный матрац в голубых цветочках! Это семейный очаг, *альфа и омега* мебелировки, общее и целое домашнего уюта, любовная

база, отец примуса! (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев).

Не разрушают, ибо подобные стилистические нюансирования потенциально возможны в большинстве европейских литературных языков и поэтому не представляют трудностей при переводе.

Библейских крылатых выражений, сходных до тождественности благодаря сакральному источнику, разумеется, весьма много как в славянских, так и в неславянских языках. Особо количественны они в тех случаях, когда в основе выражения лежит библейский именованный тип *Мафусаиловы лета* или соответствующий экзотический образ вроде *манна небесная*. Универсальными, тем не менее, могут оказаться и библейские крылатые выражения, основанные на общечеловеческих реалиях, но, правда, обретшие особый сакральный смысл благодаря тексту Книги книг. Примером стало выражение *соль земли*, истоки которого хрестоматийны. Обращаясь к своим ученикам, Иисус Христос сказал: «Вы — *соль земли*. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф 5, 13). В многоязычном словаре «Лепта библейской мудрости...» [Лепта библейской мудрости... 2018, т. 2: 109–111] этот фрагмент Библии воспроизводится точно, обнаруживая полное сюжетное и стилистическое совпадение. Вот несколько таких фрагментов:

бел. *соль зямлі*.

Вы — соль зямлі. Калі ж соль страціць сілу, дык чым асаліш яе? Яна ўжо ні на што ня прыдатная, хіба што выкінуць яе прэч на папатацьне людзям (Мв 5, 11–13).

укр. *сі́ль землі*.

Ви — сі́ль землі. Коли сі́ль ізві́тріє, то чим насолити її? Не придасться вона вже нінащо, хіба щоб надві́р була висипана та потоптана людьми (Мт 5, 13).

Данное библейское выражение прозрачно по смыслу, поскольку основано на высокой оценке одного из незаменимых для человеческого существования продуктов. Вот как определяет его аксиологию В. В. Колесов в своем «Словаре русской ментальности»: «Соль — белое кристаллическое

вещество как символ концентрированного сгущения **сущности вещи** или **идеи**, проступающей сквозь внешнюю оболочку и обнаруживающей подлинное ее **содержание**. Соль как качественная **суть (смысл) сущности** определяется как форма и смыслообразующая **идея целого**, несоизмеримо малая количественно по отношению к своей качественной **значимости**. Соль соединяет в себе четкую целенаправленность и **действенность** проявления (**едкость, жгучесть**). Исходная точка развития символа — вкусовые **качества**: вещь, не содержащая Соли, лишена важных характеристик и является пресной, безвкусной — скучной, невыразительной (*не солоно хлебавши*); при чрезмерном наличии Соли **человек** ощущает **горечь**, ему тягостно (*засол*), его можно огорчить или обидеть (*насолить*); Соль вскрывает, оттеняя, неприкрытую **подлинность** вещи или идеи во всех их качествах, **недостатках** и **противоречиях**» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 299–300].

При всей своей «солевой приземленности» лексема *соль* овееяна в разных языках и культурах особым мифологическим ореолом, создающим семантику «сути (смысла) сущности». Именно в таком, сакрально-мифологическом, смысле употреблено слово «соль» в крылатой фразе Иисуса Христа. Его ученики, апостолы, следовавшие за ним, заслужили столь высокое наименование. Во многих языках словосочетание обрело переносный смысл и стало обозначать наиболее достойную, активную, творческую часть нации, народа, которая действует против нравственной, моральной деградации. Это и делает выражения подобного рода библеистическими универсалиями, которые можно считать тождественными по смыслу и структуре.

Ко второму типу библеизмов относятся те, которые при общности исходного источника в каждом из языков проявляют достаточно большую амплитуду варьированности и тем самым обнаруживают заметные расхождения в образности соответствующих выражений. Пример — книжный фразеологизм *замечать (видеть) сучок в чужом глазу* ‘замечать мелкие недостатки кого-либо, не замечая своих, более крупных’. Он восходит к евангельскому тексту: «Что ты *смотришь*

на сучок в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь?.. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матфей, 7, 3–5; Лука, 6, 41–42) — и отмечен многими словарями крылатых слов и выражений. В современный русский язык слово *сучок* вошло из церковнославянского перевода Библии (первая фиксация в «Изборнике» 1073 г.). В разных европейских языках оно переводилось и закреплялось литературной традицией по-разному, а слово «бревно» практически не варьировалось. Например, словацк. *V cudzom oku vidieť smet' (smetie, smietku), a (ale) vo svojom brvno nevidieť.* — «В чужом глазу видеть сор (мусор, соринку), а (но) в своем не видеть и бревна» [Skladaná 1999: 4–25]. В польских переводах соответствующего места Библии (*Ale przez widzisz paździorko w oku brata swojego, a bierzma w oku twoim nie widzisz?*) слово «сучок» передавалось такими словами, как *paździorko* ‘шелуха, оскрёбки’, *źdźbło* ‘стебелек, травинка; соломинка’, *pręt* ‘прут, прутик’, *trzasczka* ‘щепка’, *drzazga* ‘щепка’, *pyłek* ‘пылинка, соринка’, *malutka zadra, mała zadra* ‘чешуя, чешуйка’ [Koziara 2001: 201–202].

Ср. переводы библейской сентенции другими языками: укр. *У чужому оці порошинку бачити, а в своєму пенька не помічає*; пол. *W cudzym oku źdźbło upatrujemy, a w swoim [i] belki nie widzimy*; болг. *Вижда сламката в окоето на другите, а не вижда гредата в своето; Виждам сламката в чуждото око, но не виждам гредата в своето*; нем. *Man sieht wohl den Splitter im fremden Auge, aber nicht den Balken im eigener* и др. При переводе библеизма рус. *сучок* (*сучек*, ц.-сл. *сучьць, сучьць*) возможны и другие компоненты с довольно разными значениями — «соломинка», «стебелек», «щепочка». Семантика древнерусского слова *сучьць* также была более широка: кроме ‘сучок’ оно обозначало и ‘стебелек’, ‘тонкая веточка’. Неслучайно поэтому и в художественной, и в разговорной речи, и в диалектах этот фразеологизм допускает довольно широкое варьирование: *видеть у ближнего в глазу спицу, найти сорину в глазу журналистов*, иркутск. *увидел соломинку, а бревно за собой и не заметил* и др.

Расхождения в компонентном составе и его варьированность могут быть вызваны особенностями

переводов Библии на конкретные языки и ассоциативным диапазоном соответствующей лексики. Известное во всех европейских языках выражение *блудный сын*, характеризующее в русском языке человека, покинувшего свой дом, а затем вернувшегося, либо того, кто раскаялся в чем-либо после постигших его неудач, возникло из евангельской притчи о блудном сыне (Лука, 15, 11–32), растратившем полученную от отца долю наследства, вернувшимся в раскаянии и получившем прощение. Мотив, характеризующий неопытность, необдуманность поступков или даже глупость молодежи, известен в европейской культуре издревле и стал основой многих литературных сюжетов. Так, уже в 1270 г. Вернер дер Гэртнер (Wernher der Gärtner) описывает похожую историю, повествуемую в античных сагах. На данный сюжет создан ряд художественных произведений самых известных художников, например картина Рембрандта «Возвращение блудного сына», которая хранится в Эрмитаже.

В русском языке слово *блудный* отразило две ассоциации: первая связана со словом *блуждать* ‘скитаться, сбившись с пути’, и поэтому *блудный сын* — ‘блуждающий, скитающийся по белу свету, ищущий свой путь (в том числе духовный)’, вторая восходит к глаголу *блудить* (‘распутничать, развратничать’), следовательно, *блудный* — это ‘ведущий распутный образ жизни, потерявший нравственные ориентиры’. В русском языке именно эти значения являются внутренней формой (мотивирующим образом) оборота *блудный сын*. В других же европейских языках семантической доминантой «блудного сына» стали его расточительность, беспутная растрата части отцовского наследства или «потерянность». Отсюда, например, фр. *enfant prodigue* и англ. *prodigal son* (букв. «расточительный сын») или нем. *verlorener Sohn* (букв. «потерянный сын»).

Характерно, что эти возможные образные интерпретации библейского выражения отразились в разных европейских языках, демонстрируя разные ориентации при переводе соответствующего фрагмента Библии: 1) белор. *блудны сын*; укр. *блудний син*; болг. *блудният син*; макед. *блудниот син*; словен. *izgubljeni sin*; хорв. *bludni (zalutali, razmetni)*

sin; 2) пол. *syn marnotrawny*; чеш. *marnotratný syn*; словацк. *márnotratný syn*; серб. *продигао сон*; латыш. *razudušais dēls*; лит. *sūnus palaidūnus*; итал. *figliol prodigo*; исп. *hijo pródigo*; португ. *filho pródigo*; румын. *fiul risipitor*; и др.

Еще своеобразнее судьба библейского крылатого выражения *вавилонское столпотворение*. В русском языке оно имеет шутливую тональность, обозначая беспорядочную толпу людей, суматоху, неразбериху. Оно, как известно, возникло из библейского мифа о попытке построить в Вавилоне башню, которая должна была достигнуть неба. Когда строители начали свою работу, разгневанный Бог «смешал язык их», они перестали понимать друг друга и не могли продолжить строительство (Бытие, 11, 1–9). Церковнославянское слово *столпотворение* значит ‘строение столпа, башни’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 669]. Ср. бел. *вавилонскае стоўпатварэнне*; укр. *вавілонське стовпотворіння*; болг. *Вавилонско стълпотворение*; хорв. и серб. *babilonska kula*; англ. *the tower of Babel*; фр. *tour de babel* и др.

При единстве источника и исходного образа фразеологизмы о вавилонском столпотворении заметно отличаются в европейских языках семантически. Ср. англ. *the tower of Babel* ‘смешение языков’, ‘скопление людей, говорящих на разных языках’, ‘высокое здание’, ‘нереальный, утопичный проект’; пол. *wieża Babel* ‘смешение языков’, *wysoki jak babilońska wieża* ‘об очень высоком человеке’, *stawieć wieżę babilońską* ‘интересоваться неосуществимыми проблемами, тешиться пустыми надеждами’ и т. п. Русское же слово *столпотворение*, имевшее исходную библейскую семантику ‘смешение языков, разноязычие’, под ложно-этимологическим влиянием слов *толпа*, *столпиться* приобрело специфическое для русского языка значение ‘большое, беспорядочное стечение народа’ [Бетехтина 1999: 68–69]. Вот несколько контекстных иллюстраций, в которых именно такое значение является доминирующим:

На последней станции перед горами *столпотворение вавилонское*: шум, крики, плач, матерная отборная ругань, разрозненные воинские части, хмельные группы солдат (Серафимович А. Железный поток).

Тысячи людей покидали город пешком. Другие бросились к вокзалам и стали силой врываться в билетные кассы, третьи — прямо к поездам. На Николаевском вокзале вновь началось *вавилонское столпотворение* (Сонкин М. Выстрел на Фонтанке).

Это было настоящее *столпотворение*. Пропуска проверяли, начиная от площади Бдительности. У Большого театра сосредоточились наряды конных внубезовцев, но пробиться к Дому союзов можно было только сквозь коридор, образованный двумя шеренгами автоматчиков (Войнович В. Н. Москва 2042).

Агитация имела успех, и вскоре очередь в кассу вылезла и на улицу, а затем началось и вовсе *столпотворение*, не доводимое до размеров *вавилонского* разве что стайкой людей в пальто цвета маренго, в сапогах и с бляхами. (Губин Д. Ивановский самиздат. Огонек. 1988. № 24).

В других языках семантика вавилонского столпотворения иная: акцент перемещается в сторону быстрого и окончательного разрушения или языкового смешения, приводящего к полной невозможности взаимопонимания. Ср. несколько контекстных иллюстраций из современных польских и немецких СМИ:

Jeżeli Apoloniusz Tajner i Heinz Kuttin zostaną na swoich stanowiskach, Jan Szturc będzie osobą odpowiedzialną za Adama Małysza, a w osobie Hannu Lepistoe będziemy mieć, dajmy na to, konsultanta, to polskie skoki mogą runąć *jak wieża Babel*, bo nikt się z nikim nie dogada (Narodowy Korpus Języka Polskiego. Dziennik Zachodni. 24.02.2004).

Cały problem w tym, że Polacy widzą w Unii prawniczą *wieżę Babel*, w której i tak nikt się nie rozezna. I boją się, że po naszym wejściu do Piętnastki jakieś bliżej nieznanne unijne regulacje okażą się być ważniejsze od polskiego prawa (Narodowy Korpus Języka Polskiego. Dziennik Zachodni. 28.06.2002).

Alles in allem erinnert das an *den Turmbau zu Babel*; nicht bibelfeste Leser seien an einen Baumarkt-Werbespot erinnert oder an frühe Skizzen der Star Trek-Raumstation Deep Space Nine, über Jahrhunderte zusammengestüekelt (Die Zeit. 6.11.2015).

Für einen wunderbaren Augenblick ist es vorbei mit der *babylonischen Sprachverwirrung*, die die Strafe für den größten wahnsinnigen Turmbau zu Babel war — den Versuch des Menschen, gottgleich zu werden (Die Zeit. 21.05.2015).

Отсюда трудности при переводе выражения на другие языки, где оно требует компонентной детализации и семантических уточнений, как, например, в чеш. *babylon jazyků, zmatení jazyků* или нем. *babylonische Sprachverwirrung*.

Выводы

Следует подчеркнуть, что предложенное распределение библейских выражений на две категории может быть обусловлено не только общим сакральным источником, но и межъязыковыми взаимодействиями в европейском лингвокультурологическом пространстве. Так, оборот *от Адама* 'с глубокой древности, с давних пор; с самого начала' известен многим европейским языкам, в том числе славянским, напр.: бел. *ад Адама*; укр. *від Адама, починати від Адама*; пол. *od Adama i ewy zacznąć*; чеш. *začínat co od Adama*; словацк. *začínat co od Adama*; верхнелуж. *wot Nadama*; болг. *от [дядо] Адам; от Адама [и Ева]*; хорв. и серб. *od Adama [и Eve]*; нем. *seit Adams Zeiten* и др. Разумеется, в основе фразеологизма лежит библейское представление об Адаме как о самом древнем человеке на земле, жившем в незапамятные времена. В то же время в русском языке выражение является устаревшим и маркировано книжной стилистикой. Специальный анализ показывает, что оно при всей своей библейской прозрачности образности в русском языке не возникло самостоятельно, а является калькой с одного из европейских (неславянских) языков [Мокиенко 1998]. В некоторых языках идея древности, давности Адамовых времен выражена еще более образно, напр.: англ. *since Adam was a boy* (букв. «когда Адам был еще мальчиком»), *when Adam delved and Eve span, who was then a gentleman*; нем. *als Adam grub und Eva span wo war denn da der Edelmann* (букв. «когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином»); словацк. *od Adama*. Первая фиксация оборота отмечена в XVIII в. в переведенном на русский язык с французского романа К. Ф. Ламбера «Новый Телемак» [СлРя XVIII в., вып. 1: 24].

При отмеченных различиях и неодинаковых судьбах проникновения в славянские языки

библейские крылатые выражения отражают единство образности и культурологического содержания, заданное текстом Священного Писания. Это единство поддерживается не только сакральным смыслом Книги книг, но и тем «божественным красноречием», о котором за год до своей кончины проникновенно писал А. С. Пушкин в очерке «Об обязанностях человека: Сочинение Сильвио Пеллико»: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено к всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие»¹. И чем больше овещается и оцифровывается современный мир, тем сильнее ощущаются в нем потребность и необходимость погружения духом в это божественное красноречие, навечно запечатленное в крылатых словах и выражениях.

ПРИМЕЧАНИЕ

Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений. В 16 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография, 1949. С. 99.

ИСТОЧНИКИ

Бирих, Мокиенко, Степанова 2007 — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.* Мокиенко В. М. (ред.). М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2007. 926 с.

Колесов, Колесова, Харитонов 2014 — Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. *Словарь русской ментальности. В 2 т.* СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 591 с.; Т. 2. П-Я. 592 с.

Лепта библейской мудрости... 2014 — *Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках.* Балакова Д. и др. (авт.-сост.). Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. 208 с.

Лепта библейской мудрости... 2018 — *Лепта библейской мудрости. Русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских,*

романских, армянском и грузинском языках. В 2 т. Иванова Е. Е., Мокиенко В. М. (ред.). Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. Т. 1. А-О. 316 с.; Т. 2. П-Я. 336 с.

Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010 — Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О. И. *Толковый словарь библейских выражений и слов*. М.: АСТ; Астрель, 2010. 639 с.

Мокиенко 2007 — Мокиенко В. М. *Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 215 с.

СлРЯ XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 1–23. Л. (СПб.): Наука, 1984–2019.

Walter, Komorowska, Krzanowska 2010 — Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Szczecin-Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2010. 343 p.

Walter, Mokienko 2009 — Walter H., Mokienko V. M. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009. 199 p.

ЛИТЕРАТУРА

Бетехтина 1999 — Бетехтина Е. Н. *Фразеологизмы с библейскими именами*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 172 с.

Мокиенко 1998 — Мокиенко В. М. *Адам в славянских языках*. В сб.: *Число — язык — текст. Сб. статей к 70-летию*

Адама Евгеньевича Супруна. Минск: Белгосуниверситет, 1998. С. 14–28.

Толстой 1988 — Толстой Н. И. *История и структура славянских литературных языков*. М.: Наука, 1988. 239 с.

Koziara 2001 — Koziara S. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001. 343 s.

Skladaná 1999 — Skladaná J. *Slová z hlbín dávnych vekov*. Bratislava: Grand Multitrade, 1999. 207 s.

REFERENCES

Бетехтина 1999 — Betekhtina E. N. *Phraseologisms with biblical names*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1999. 172 p. (In Russian)

Мокиенко 1998 — Mokienko V. M. *Adam in Slavic languages*. In: *Chislo — iazyk — tekst. Sb. statei k 70-letiiu Adama Evgen'evicha Supruna*. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1998. P. 14–28. (In Russian)

Толстой 1988 — Tolstoy N. I. *History and structure of Slavic literary languages*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 239 p. (In Russian)

Koziara 2001 — Koziara S. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001. 343 s. (In Polish)

Skladaná 1999 — Skladaná J. *Slová z hlbín dávnych vekov*. Bratislava: Grand Multitrade, 1999. 207 s. (In Slovak)